

© 1995 г.

М. ПАЖЕС

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПСИХОСОЦИОЛОГИИ

Наблюдения и критические замечания в отношении психосоциологии, представленные в моем выступлении, с неизбежностью отражают мой личный путь. Я хотел бы, чтобы они побудили Других психосоциологов поделиться их индивидуальным видением проблем, чтобы, дополняя друг друга, они продемонстрировали как согласие, так и разногласие собственных точек зрения.

Появление психосоциологии во Франции

Психосоциология зародилась во Франции в послевоенные годы. Что касается моего личного участия в этом событии, то для меня отправной точкой стало стремление к обновлению и боязнь замкнутости - некая интеллектуальная клаустрофобия. Тогда, в 1948-1950 гг., я завершал психологическое образование в Сорбонне, в Институте психологии, а также в Национальном Институте изучения труда и профессиональной ориентации (НИПО). Эта моя начальная подготовка была далека от той, какую я тогда хотел считать серьезной. Она позволила мне познакомиться со знаменитой французской школой психологии, восходящей к началу века (к А. Бине), с ее акцентом на психометрию, на исследование-эксперимент и на психофизиологию. Несмотря на ее неоспоримый вклад, она тогда представлялась мне уже выдохшейся. В тот же период я начинал знакомиться с психоанализом, читал Фрейда и журнал «Психея», а также изучал в оригинале «дидактический и несколько популяризированный психоанализ» вместе с Рене Лафаргом.

Между этими двумя мирами не существовало практически никакой связи. Курс психоанализа только начал читать в Университете Д. Лагаш. Между изучением бессознательных процессов и изучением поведения, между практикой клинического вмешательства в трактовках психоанализа и наблюдением и экспериментом в трактовках французской школы, которые интересовали меня в равной степени, не существовало ни связующего звена, ни диалога, ни даже какой-либо полемики. Идиотская ситуация самоизоляции и раскола, которая усилилась институциональным соперничеством между школами во Франции, затянулась на десятилетия и сохраняется еще сегодня.

В 1950-1951 гг. я добился годичной стипендии для стажировки в США. Она более или менее осознанно представлялась мне сулящей надежду на мое оживление. К тому же, следовало воспользоваться и в профессиональном плане тем редчайшим случаем, который представил для меня План Маршалла. Если говорить более конкретно, то этот случай позволил мне ускользнуть от бюрократической процедуры профессиональной ориентации и от невозможности уйти от интеллектуального выбора между двумя вышеупомянутыми мирами. По тем же причинам я решил по возвращении из Соединенных Штатов заняться индустриальной психологией в частном секторе, где надеялся встретить больше свободы для экспериментирования и практики, чем в государственных учреждениях, что и подтвердилось.

Я испытал двойную любовь к Соединенным Штатам Америки. Прежде всего мне понравились сами Соединенные Штаты (это было мое первое пребывание в этой стране, хотя впоследствии мое отношение изменилось). Особенно я полюбил умение американцев общаться, управлять своим временем и вести переговоры, всю ту социальную психологию, которой была проникнута повседневная жизнь.

Во-вторых, я влюбился в труды Карла Роджерса (но не в него лично). О них активно заговорили в Соединенных Штатах, и я познакомился с ними в ходе стажировки. Это в конечном счете побудило меня к сотрудничеству с Роджерсом и его командой в течение лета 1951 г. В конце концов Роджерс стал тем единственным Человеком, из числа живущих и умерших, которого я признаю как моего учителя, а себя считаю его учеником, несмотря на двойственность, которую вызывает во мне этот вид отношений, о чем я еще буду говорить, и несмотря на свободу и дистанцию, которые я соблюдал по отношению к его взглядам в ходе моей научной карьеры, что, впрочем, вполне отвечает сути его уроков.

Что особенно подкупало меня в творчестве Роджерса, так это, прежде всего, ломка барьеров. Ломка барьеров между различными видами профессиональной практики: психотерапией, консультированием, психопедагогикой и многими другими, которые для него являлись только ситуационными и конъюнктурными вариантами того, что он называл «отношением помощи». Во Франции все обстояло совсем иначе: они (различные виды профессиональной практики. - *И.М., М.Ю.*) исторически сложились

таким образом, что замкнутость и фанатичность сохранялись до такой степени, что никакая охватывающая интегрирующая структура не могла зародиться.

В еще большей степени меня привлекала ломка барьеров, которую он произвел между личной и профессиональной сферами, что шло намного дальше предлагаемого психоанализом, поскольку это было не только осознанием вовлеченности психотерапевта в отношения с клиентом, но и видением реальной сути этой вовлеченности. Последняя рассматривалась как движущий источник терапевтического изменения. Впрочем, установление таковой связи между личным и профессиональным несколько не привела у Роджерса ни к растворению профессионального в сфере личного, ни к поглощению личного некоторой сексуальной моралью или политическими целями в широком смысле слова, что позднее можно было встретить в некоторых слишком свободных трактовках недирективного метода (в них я тоже по-своему участвовал). Речь идет об ответвлениях, *mutatis mutandis*, похожих на те, которые проявлялись в американском психоанализе под именем «Психологии Эго». У Роджерса все обстояло иначе, и что бы ни думали, но его терапия подчинялась профессиональным задачам, которые были определены строгим образом, что облегчало наблюдения и научную рефлексию.

Психосоциология, социальная психология и другие названия

Не знаю точно, когда появилось во Франции слово «психосоциология». Исследование этого вопроса было бы небезынтересным. Некоторое время мне казалось, что этот термин изобрел я. Но потом я быстро заметил, что все вокруг меня пользовались им. Это происходило приблизительно в 1955 г., но содержание появилось раньше, чем придумали слово.

На мой взгляд, зарождающейся психосоциологии были свойственны три характерных признака:

- прямое отношение к концептуализации и исследованию динамики групп К. Левина, микросоциологии (Р.Ф. Балес и др.), индустриальной социологии (Э. Мэйо);

- экспериментирование с, практикой изменения в приложении к социальным проблемам: в сфере жизни общности, индустриальной организации, обучения, педагогики. В этом плане психосоциология унаследовала эти элементы от учеников К. Левина, которые, следуя его примеру, в последние годы своей жизни оставляли лабораторию, чтобы практиковать «исследование действием», и за год до его смерти (1947) придумали Т-группу (тренинг-группу, которая во Франции была названа базовой группой, группой развития, диагностической группой...);

- сама техника Т-группы, интерпретируемая многими способами и применяемая в разных контекстах, в течение долгого времени служившая главным, если не единственным движущим моментом в психосоциологии до такой степени, что нашла в нем свою идентичность.

После первого контакта, осуществленного Анной Анселин-Шутценбергер в Анн Арбор, в 1955 г. Т-группа была перенесена европейцами в Европу (Фоше, Хассон, Мергейм, М. Пажес и Р. Пажес для Франции).

Т-группа явилась полем экспериментирования и «скороваркой» в США и Европе для практиков различных направлений (за исключением первопроходцев К. Левина): последователей К. Роджерса, Я.Л. Морено, психоаналитиков, которые владели кроме самой традиции групповыми техниками (Бион, Эриэль), а значительно позже и для последователей, калифорнийской школы, школы «терапии для нормальных людей» и техники тела.

Я не могу, даже кратко, привести здесь список теоретических работ различных направлений, практических вариантов и того размаха метода Т-группы и его производных, которые имели место с 50-х по 80-е годы. В конце этого периода мой интерес и интерес команд, во главе которых я стоял, переместился в сторону применения

клинического метода Т-группы в области анализа межгрупповых взаимоотношений и организации в ее целостности (интервенция на предприятии А.), так же, как и в области экспериментального изучения коллективов (семинары в Шарбоньере и Лурмарене). Похожие эксперименты были проведены другими командами в Дании («мини-общество» Гуннара Хжелхольта), Норвегии...

Во Франции институциональный анализ различного толка, но испытывающий влияние психосоциологии и конкурирующий с ней, работал в той же области на свой лад.

Я хотел бы сделать два замечания семантического порядка. Психосоциология дифференцируется сразу же от социальной психологии. Эжен Энрикес недавно написал интересные страницы по этому поводу. Социальная психология, дисциплина более пожилая, давно признанная в академическом мире, имеет свои корни в теоретическом размышлении о поведении человека в обществе (Д. Мид, Г. Тард). Позднее она операционализировалась посредством сравнительного изучения изменчивости поведения, установок, мнений в зависимости от социальной среды. Все это не замедлило с тем, чтобы поставить ее на службу стратегиям, преследующим цели не научные, а политические, коммерческие...

Психосоциология этого периода являлась одновременно более ограниченной и более амбициозной. Ограниченной, по крайней мере, тактически в микросоциальной сфере. **Это практика изменения, которая адресована субъектам, отвечая на просьбу с их стороны, и направленная, достигает она этого или нет, на придание их поведению наибольшего мастерства благодаря глубокому знанию отношений между индивидуальными и коллективными процессами.** Это клиника изменения. С другой стороны, это единый подход к индивидуальному и социальному изменениям, понимаемым как взаимозависимые.

Мое второе наблюдение - это то, что понятие психосоциологии, знакомое мне, используется только во Франции. В США, в Англии чаще говорят об агенте социального изменения, о научном бихевиоризме (журнал Национальных лабораторий тренинга, носящий название «Прикладная бихевиористская наука»). Почему дело обстоит именно таким образом? Может быть, в силу большей зависимости от дисциплинарных названий в нашей стране, что заставило нас выбрать термин, близкий к «социальной психологии». Однако отметим, что за границей, как и у нас, психосоциология держалась всегда относительно на расстоянии от дисциплинарных групп и университетского мира.

Проблемы идентичности

Кто такой психосоциолог в то время и сегодня? Психолог, который разбирается немного в социологии? Социолог, который знает немного психологию? Или, как некоторые утверждают, ни психолог, ни социолог, а самозванец или шарлатан?

Во Франции психосоциология развивалась в тени двух идеологических твердынь т-марксизма и психоанализа, первый из которых сейчас, как мне понимается, пребывает в доходящем до крайности плачевном состоянии, тогда как второй еще крепнет.

Те, кто причисляют себя к психоаналитикам, не перестали игнорировать психосоциологию, обходиться с ней снисходительно и с презрением. Если они обращались к ней, то только для использования ее технически эффективных приемов, отвергая все ее идеологическое наследие и направляя в ее адрес двойное обвинение. «У вас нет ни базы, ни законного права для работы с социальным, не больше чем с психическим», - говорили нам.

Такая радикальная критика, жертвой которой была не только психосоциология, исходит от тех, кто занимает господствующие позиции не только на уровне социального Контроля, но и в плане определения эпистемологических основ самой научной мысли. Как Я в свое время пытался показать, подобные практики идеологической аннексии и невзаимности интеллектуального обмена препятствуют действительному междисципли-

линаруму обогащению, а также утверждению идеи комплексности. Психосоциология предпочитала не появляться там, где ее искали, чтобы ее уничтожить. Она вовсе не представляла смеси дисциплин в какой бы то ни было пропорции, но демонстрировала другой пример взаимоотношений между дисциплинами, свою практику их интеграции.

Достигла ли она этого? Какую ценность можно признать за предлагаемыми ею решениями? Критика в ее адрес со стороны других дисциплин и уязвима сама по себе оставляла тем не менее открытым вопрос, обращенный к каждому психосоциологу и ко всей психосоциологии в целом, об их глубинной идентичности.

Мои собственные размышления о своей интеллектуальной идентичности всегда возвращали меня к неизбежным проблемам личностной идентичности и преемственности. В своем случае я наблюдаю упорный отказ от вписывания себя в какую бы то ни было традицию, отказ от признания духовного Отца, и все это в соответствии с установкой на независимость по отношению к авторитету. Множественность моих духовных наставников маскирует мою двойственность по отношению к каждому из них. Впрочем, я испытываю аналогичное сложное чувство взять на себя ответственность интеллектуального наставника по отношению к тем, кому я передал что-либо.

Поставленная здесь проблема - проблема двойного отрицания: отрицания преемственности и отрицания отцовства. Ее результатом является сложность вписывания в научную традицию и передачи чистой традиции.

Что касается моей потребности собрать, объединить различные вклады, искать их взаимодополняемость, то она уходит своими многочисленными корнями в аффективную и социальную историю моей семьи: боязнь разрыва брака между родителями, боязнь быть покинутым, сложность выбора, некоторая тяга придавать большое значение иностранным культурам и недооценивать собственную, в то же самое время мания унижения и исключения в семье многоэтнического происхождения, где я на своем опыте испытал определенную форму расизма.

Специфика моей ситуации, откликается ли она эхом у других психосоциологов с их бесспорными личными гармоничными особенностями? Есть ли вне этого смысл для самой психосоциологии? Я в это верю.

Мы являемся уже пр происхождению, по конституированию, в каком-то роде юношеской наукой, наукой восставших сыновей (и дочерей), которые предают свое происхождение и не признают своей зависимости. Мы - ренегаты. Не будем забывать, что психосоциология родилась в Европе в эпоху большого упадка и истощения национальной культуры, так же, как и европейской, в эпоху, когда они жили под капельным вливанием Америки. Эта проблема сродни той, которую знают сегодня интеллектуалы периферийных стран в отношениях с доминантными культурами, являющимися для них одновременно и необходимыми, и источниками отчуждения.

Мы предаем не только наши культурные национальные традиции, по и адаптированные нами культуры, в отношении которых мы не можем признать себя наследниками из-за чувства вины. Мы по своей конституции дети без отцов, приговоренные к скитанию.

Нам удалось уйти от удушливой и закрытой атмосферы интеллектуальных гетто, созданных вокруг центральной фигуры наставника, окруженного страхом почитания, что поддерживалось как соседними, так и соперничающими группами с помощью механизмов исключения. Речь идет о группе, сформированной жесткими связями между Отцом и Сыновьями (которые, впрочем, часто распадаются), где представления о «нормальной» семейственности существуют только на уровне бессознательного. С другой стороны, доминирующие идентификации здесь мужского рода для женщин, как и для мужчин, в то время как сама доктрина играет, быть может, роль материнского лица. Это классическая система школы мысли, которая нам известна и с которой мы боремся.

В интеллектуальном плане, не отрицая своей плодовитости, которую она демонстрировала несколько раз, система имеет отрицательную сторону, разрывая меж-

системные связи от школы к школе, делая сложной работу над состыковкой между дисциплинами и между секторами реальной жизни.

Подводный камень, который нас подстерегает и на который мы всегда наталкиваемся, другого порядка. Это аномия, растворение связей в псевдобратских малых группах, в соперничестве и в постоянной партизанской борьбе, в поиске признания. Это драка, это банда.

В интеллектуальном плане то, что нам угрожает, это иллюзия вновь начинать с нуля, вера в достижение одним махом окончательных синтезов, отрицание нашей зависимости от истории наших дисциплин или бесцеремонный способ обращения с последней, оценка на глаз и неверие. Тут же, но иным образом добавляется риск упустить состыковку. В первом случае это происходит путем исключительной и гегемоничной концентрации на точке зрения, во втором — из-за очень сокращенного и наивного способа прибегания к синтезу. Ко всему этому добавляются различия культур: с одной стороны, догматизм по-европейски, а с другой - некоторый быстрый технизм по-американски.

Приведенная выше рефлексия опирается на подход, реализуемый в семинаре «Семейный роман и социальная траектория» (предложен Вэнсаном де Гольжаком), равно как и на подход «социоментальных систем». Задействованные здесь в интеллектуальном плане, эти подходы работают на сближение, с одной стороны, систем индивидуальных защит от эмоциональных и социосемейных конфликтов и, с другой стороны, с историей и коллективными представлениями. Не следует ограничиваться лишь банальной констатацией того, что каждый из нас проигрывает вновь свои эдиповы и доэдиповы конфликты на коллективной сцене, в группах интеллектуального производства. Именно в этих местах формируются установки и бессознательные коллективные роли в тесной взаимосвязи с социальными конфликтами, проживаемыми коллективно. Таким образом формируются «социоментальные системы», создавая амальгаму аффективного и социального на индивидуальном и коллективном уровнях, равно как и между ними. Это те системы, которые регулируют модальности социального контроля в интеллектуальной жизни, правила принадлежности и исключения, управление соперничеством и конфликтами.

Кроме того, я убежден, что эти социоментальные глубоко бессознательные системы затрагивают не только модальности социального контроля в группах интеллектуального производства, но даже структуру их способа мышления. В условиях традиционной системы различных школ мысли представляется важным идентифицировать и сделать гласной практику обособления в психоаналитических, марксистских или других группах, но еще более важным - выявить как гегемонизм на эпистемологическом уровне в способе самого производства теории, так и способ построения системы квазирелигиозной веры.

Что касается психосоциологии, анализ собственной социоментальной системы должен привести нас к бдительности по отношению к нашим тенденциям сверхтерпимости, к нашему вкусу смещения и замешательства, к нашим мессианским наклонностям. Тщательное соблюдение правил критического анализа в генезисе нашей собственной мысли, так же, как и имеющих место и часто нарушаемых в изучаемой области правил деонтологии, необходимо нам, может быть, еще больше, чем другим, так как в нашем случае требования морали в оценке коллег, как умерших, так и живущих, неотделимы от наших собственных научных целей. Поскольку психосоциология нацелена на преодоление, а не на отрицание зависимости, на освобождение от единственной приводящей к изоляции зависимости и на скопированное с семейной модели признание множественности духовных наставников во всем интеллектуальном творчестве, что далеко выходит за рамки какой-то одной «интеллектуальной семьи». На самом деле мы находимся где-то между идеалом, который афишируют многие из нас и который заключается в содействии строгой междисциплинарной диалектике, и более сомнительными, но все же в той или иной степени признаваемыми нами интеллектуальными практиками интеллектуальной амальгамы и синтеза.

Когда я спрашиваю себя о защищаемых на протяжении моей жизни позициях, я в общем-то колеблюсь между двумя установками: или осуждение и радикальный пессимизм, или ценность диалектической позиции нахождения одновременно во вне и внутри по отношению к нескольким точкам зрения, которая позволяет навести связующие мостки и определить состыковку...

Какие критерии могут нам позволить уточнить различие между отрицанием и преодолением различий? Продвинулись ли мы в этом плане?

Взрыв

Резко перейду к таким богатым пост-68-м годам. Как я уже отмечал, они примечательны с точки зрения интереса к политическим, экономическим, институциональным измерениям и к власти в масштабе групп и организаций и в их взаимосвязи с аспектами воображения.

Другой полюс исследований и экспериментирования возник вокруг методов и креативности как способов освоения фантазматической жизни и интерфейса между художественным, творчеством, с одной стороны, психотерапией и изменением в общем - с другой.

Позднее некоторые из нас попали под влияние заимствованных в Калифорнии техник тела, биоэнергетики, гештальттерапии, пришедших на смену или для дополнения других методов экспрессии/предлагая некоторую техническую формализацию и теоретизацию в духе, в частности, идей В. Райха.

Между политическим полюсом, нацеленным на власть, и телесным полюсом существует множество обменов, влияний, заимствований, так же, как и различий, непонимания, которые мы пережили в стенах Лаборатории, социального изменения в 70-х годах. Я желал бы объединить две тенденции. Меня так часто разрывали на части, с одной стороны, те, кто выступали за то, чтобы не тревожиться по поводу социального изменения, и которых сносило течением медленно, но верно к психотерапии, а, с другой стороны, те, для кого коллективное изменение, если не «революция», оставалось постоянной целью, хотя и не четко очерченной.

Для тех и других методы воздействия не оставались прежними. С одной стороны, интервенция распространялась на новые области, которые становились объектом анализа: деньги, управление временем, власть (но не авторитет), тело. С другой стороны, были в корне пересмотрены в первую очередь формы вовлеченности психосоциолога, в зависимости от того, каким образом каждый Из нас преодолевал достаточно конфликтное участие в споре о власти, о нормах, о предмете сексуальности, о коллективной жизни.. Это являлось следствием провокации, которую хотелось видеть креативной ради поддержания благоприятной для анализа обстановки. Даваемые нами ответы по отношению к этим двум конфликтным требованиям менялись в зависимости от конкретной личности и момента.

Этот конфликт был связан с другим конфликтом, толкавшим нас к радикальному движению, которое критиковало компромиссы, промежуточные решения, ценность посреднических внешних и внутренних инстанций. Временные перспективы также оказывались измененными: ценность продолжительности, организованного времени снижалась в пользу мгновения в виде некой «перманентной революции».

В течение этого периода появились две главные темы: Власть и Тело. Они разрушили тематику малой группы как объединяющей темы, в каком-то смысле у ее истоков и завершения, со стороны социального и телесного. Посреднический синтез, построенный на основе групповых теорий и практик, его притязания на общий анализ и проведение изменений индивидуальных и коллективных процессов, которые частично послужили точкой опоры во время событий протеста 68-го года, оказался несостоятельным в ходе собственного развития. Теории, практика, роли — все было поставлено под сомнение, и прежде всего единое видение психосоциологии, которая раскололась на сектора, тенденции, расходящиеся группы.

Я участвовал в этом коллективном кризисе, сопровождавшем для меня личным кризисом, о котором я рассказал в своей книге «Влюбленный труд». Примечательно, что я распростился с двумя центральными моментами моей жизни: в плане профессиональном - с местом работы и в личном порядке - с семейной жизнью. С одним в начале, а с другим - в конце этого периода.

От синтеза к точкам соприкосновения

Для меня современный период начинается с конца 70-х годов знаменательным событием — исследованием «Всемогущая власть организации», проведенным вместе с коллегами: М. Бонетти, Д. Десандром и В. де Гольжаком. Коллективный характер этой работы, широта наших ориентации: марксистских, психоаналитических, психосоциологических, свободолобивых в плане личностного поведения представляли в различных пропорциях главные идеологические тенденции эпохи и не предрасполагали ни к уступкам, ни к компромиссам. Мы могли придти к соглашению только путем прерывания полемики на достигнутом уровне и ее перенесения в новое пространство, которое находилось бы вне наших догматических убеждений, а представляло бы из себя методологию анализа точек соприкосновения между социальными и психическими процессами.

Именно с момента начала этого исследования пошло построение конкретной эпистемологии, которая развивается параллельно проводимым каждым из нас исследованиям в различных областях и которую мы называем диалектическим анализом. Она переносит акцент с метатеоретического уровня, уровня высших объяснительных принципов (либидо, классовая борьба, сексуальная энергия...) на более скромный уровень процессов и межпроцессуальных точек соприкосновения. Гипотеза о возможности разделения этих двух уровней, противоположная гипотезе школ, основывается на траурном прощании с верой в единственное универсальное объяснение. Она изменяет структуру теоретического поля и несет в зародыше изменение взаимоотношений дисциплин, так же, как и в способах социального контроля научного производства в гуманитарных науках.

Это вело нас к одновременному отказу, хотим мы этого или нет, от попыток междисциплинарного синтеза, которые мы когда сами и предложили. Начиная с этого времени, я испытал болезненность по отношению к метатеории отношений, которую предложил в своей работе «Аффективная жизнь групп». Это была попытка синтеза между психоанализом и феноменологией.

Более того, сам целостный проект психосоциологии 50-60-х годов был поставлен под вопрос.

Мы пришли к согласию о полном признании и придании законности нескольким частично несовместимым и противоречивым теоретическим полям по изменению. В этом случае можно наблюдать достаточно удивительные результаты трансплантации и синергии.

На протяжении этой эволюции теоретические и практические поля, куда мы внедряемся, дифференцировались, как наглядно показывает многообразие взятых тем. Более не существует ни единой теории, ни единого метода по причине различия контекстов, заказов, целей, а также различных требований научно-технической кооперации в каждой конкретной ситуации, с которой мы работаем. Так, один психосоциолог-психопедагог может заинтересоваться взаимозависимостью между аффективным, социальным и когнитивным в то время, как другой в ходе воздействия на больничную среду определит свое место на пересечении систем бессознательной защиты, профессиональных отношений и организации труда.

Однако подобные исследования и практики объединяет глубокое родство—родство подхода, ориентированного на теоретическое и практическое схватывание сложности.

Мы отказались от наших желаний всемогущества. Как теоретики, мы похоронили

стремление к универсальным объяснениям. Как практики, мы отказались от революционных утопий, которые двигали нами в течение долгого времени более или менее сознательно. Наша установка по отношению к социальным властям, с которыми мы имеем дело в наших интервенциях, сейчас свободна от конфликтно-миролюбивого сосуществования. Не подчинение целям, которые не являются нашими, как это очень часто делали гуманитарные науки, не бунт, не изоляция или замыкание на себе, на своей собственной «чистоте» (установка, которая часто наблюдается у психоаналитиков или психотерапевтов), а следование нашим собственным целям, в сосуществовании и в конфликте с другими.

Я мог наблюдать в себе изменение такой природы во время работы в госпитале, где возобновил психосоциальное консультирование после почти 15 лет перерыва. Я утратил безумные желания и надежды по изменению организации, которые испытывал в похожих ситуациях. Я интересовался коллективными взаимоотношениями, методами работы руководителей, но не искал возможности влиять на них. В то же самое время я чувствовал себя в большей согласии, чем раньше, с ролью консультанта, психотерапевта или профессионального наставника.

Скорее всего, я кончил тем, что принял высказывание Эпиктета, которое, как казалось мне всегда, было максимальной психосоциологии: отличать вещи, которые зависят от нас, от вещей, которые от нас не зависят.

Отказ от наших излишних амбиций, уход от некоторого абриса, как ни парадоксально, открывают путь к новым видам сосуществования и сотрудничества. Наша роль, как я ее вижу сейчас, представляется мне все больше и больше в оказании содействия развертыванию антагонистских логик: экономических логик, организационных логик, логик физического или ментального здоровья, выдвигаемых нами самими собственными логик, не претендуя на устранение какой бы то ни было из них.

Психосоциология: имеет ли она свой объект?

По этому поводу можно сказать, что психосоциология на исходе 70-х годов мертва или что она возрождается в своей новой форме.

Унитарная психосоциология 50-70-х годов исчезла. Впрочем, и само слово менее употребимо. Появились новые, часто используемые названия, произошедшие от того же или от соседних направлений: социальная клиническая психология, клиническая социология, диалектический анализ, институциональный анализ, социоанализ, психоанализ...

Психосоциология уже не является сконцентрированной на теориях и групповых практиках, что формировало в ней экспансионистское ядро, хотя они остаются частью ее наследия. Новая психосоциология полиморфична, многоцентрична. Она сохраняет свою оригинальную амбицию связать поля и дисциплины гуманитарных наук, но ее концепция дисциплинарной интеграции изменилась. Она от унитарного видения перешла к многополюсному, от практики синтезов и теоретических амальгам - к учению о пространствах пересечения и комплексности.

Теперь законно спросить себя: каков ее объект? Определить ее как учение о человеческом поведении в социальной ситуации или нечто близкое к этому - недостаточно, поскольку это можно было бы сказать о всех гуманитарных науках. С другой стороны, это дало бы преимущества психосоциальным аспектам в ущерб столь же важным аспектам взаимопроникновения между психологией, биологией, физиологией, этнологией...

Мне кажется предпочтительным не искать определения объекта психосоциологии через тот или иной сектор поведения, что поставило бы ее в ряд с другими дисциплинами. В этом смысле психосоциология не имеет объекта. Она определяется своим интеллектуальным подходом, своей специфической эпистемологией. Она является как бы секущей по отношению к другим дисциплинам: в первую очередь их пересекает, не располагая, как они, существенной оригинальностью; во вторую оче-

редь ее особое положение требует пересмотра, реорганизации комплекса знаний и методов гуманитарных наук.

В заключение этого размышления я потрясён той важностью, еще более значительной, чем я думал, последовательных исторических событий, через которые мы прошли в становлении нашей дисциплины. Они постоянно пересекаются с личной историей не как переживаемая пассивно данность, но как мощное воздействие извне, интерпретируемое индивидами и коллективами.

Я надеюсь, что это слишком длинное выступление, неизбежно неполное и необъективное, вызовет дополнения, противоречия и разногласия.

Перевод с французского И.К. МАСАЛКОВА и М.В. ЮРЧЕНКО